

На правах рукописи

КОНДРАКОВ Сергей Александрович

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Д.Г. ЛОРЕНСА

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(европейская и американская литературы)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2010

Работа выполнена на кафедре истории зарубежной литературы филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Толмачёв Василий Михайлович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Красавченко Татьяна Николаевна,
Институт научной информации
по общественным наукам (ИНИОН) РАН

кандидат филологических наук, доцент
Редина Ольга Николаевна,
Московский государственный областной
университет

Ведущая организация: Институт мировой литературы
им. А.М. Горького (ИМЛИ) РАН

Защита состоится «__» _____ 2010 года в __ часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.25 при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова.

Адрес: 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, 1 учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Автореферат разослан «__» _____ 2010 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

А.В. Сергеев

Общая характеристика работы

Произведения английского писателя Дэвида Герберта Лоренса (David Herbert Lawrence, 1885–1930) неоднократно становились объектом внимания литературоведов самых разных стран. Вместе с тем, несмотря на столь пристальный интерес, комплексное исследование проблемы культуры в творчестве писателя едва ли можно считать исчерпывающим. Бесспорная оригинальность Лоренса-художника, не позволявшая органично вписать его творчество в сферу модернистского искусства, нередко выступала веским основанием для того, чтобы «изолировать его достижения от широкого исторического и культурного контекста»¹. Заметим, что такому прочтению лоренсовских текстов немало поспособствовал и сам автор, чья эссеистика пестрит критическими выпадами в адрес как литературных предшественников, так и современников.

Думается, однако, что установка художника на поиск нового видения отнюдь не предполагает отказа от всякой традиции вообще, поскольку тот или иной культурно-исторический контекст не может не оказывать на писателя своего воздействия. Зачастую такое влияние не осознается самим автором, а в некоторых случаях осуществляется даже вопреки его воле.

Новизна данного диссертационного исследования заключается в том, что в нем впервые в отечественном литературоведении предпринята попытка рассмотрения прозы Лоренса в контексте европейской культуры конца XIX–XX веков. Не отрицая творческой самобытности художника, возьмемся утверждать, что при всем своем стремлении к оригинальности Лоренс, как никто другой, был подвержен разнообразным, нередко взаимоисключающим влияниям и по-своему восприимчив к идеям размышлявших над проблемой культуры авторов.

Цель исследования состоит в интерпретации лоренсовских текстов с точки зрения наличествующей в них проблемы культуры, возможно, не столь часто обсуждающейся в современном литературоведении, однако уже с начала XX в.

---

¹ Goodheart E. The Utopian Vision of D.H. Lawrence. Chicago (Ill.): The Univ. of Chicago Press, 1963. P. 3.

ставшей предметом напряженной артистической рефлексии. Центральной фигурой здесь становится художник в эпоху «смерти Бога», творец как критик культуры и создатель новых представлений о ее содержании и границах. В центре нашего внимания будет соединение в лоренсовском тексте культурных кодов конца XIX в. («декаданса») и XX в. («модернизма»).

В соответствии с заявленной целью в работе ставятся следующие **задачи**:

– выявить философско-эстетические интересы Лоренса, рассмотреть основные источники их формирования, тем самым включив мировоззрение писателя в культурный контекст эпохи конца XIX – начала XX века;

– обосновать связь эссеистики Лоренса с рядом центральных категорий культуры декаданса (концепты вырождения, болезни, «войны полов» и пр.), а также сформулировать основные писательские стратегии его преодоления на путях архаизации представлений о вселенной и человеке;

– обозначить основные аспекты лоренсовской «утопии» грядущего преобразования человечества, проанализировать их в контексте представлений писателя о сущности мифа, символа, а также неортодоксальной религиозности художника;

– осмыслить влияние на романное творчество Лоренса идей Ф. Ницше, З. Фрейда и О. Вейнингера, уделив особое внимание лоренсовскому образу художника в эпоху «переоценки всех ценностей»;

– выявить в прозе писателя тенденцию к «утрате середины» (Х. Зедльмайр), тем самым представив его позднее творчество как образец искусства модернизма.

Материалом для исследования послужила эссеистика и романистика Лоренса. Нами был проанализирован ряд наиболее значимых эссе писателя, посвященных проблемам искусства, морали и религии: «Томас Манн» (Thomas Mann, 1913), «Два принципа» (The Two Principles, 1919), «Уитмен» (Whitman, 1920), «Очерки по классической американской литературе» (Studies in Classical American Literature, 1923), «Хирургия для романа – или бомба» (Surgery for the Novel – or a Bomb, 1923), «О религиозности» (On Being Religious, 1924), «Искусство и мораль» (Art and Morality, 1925), «Джон Голсуорси» (John Galsworthy, 1928), предисловие к каталогу живописных работ Лоренса

(Introduction to These Paintings, 1929), «Воскресший Господь» (The Risen Lord, 1929), «Порнография и непристойность» (Pornography and Obscenity, 1929), «По поводу романа “Любовник леди Чаттерли”» (A Propos of Lady Chatterley’s Lover, 1929), «Апокалипсис» (Apocalypse, 1931), а также «Воскресение» (Resurrection, опубл. 1936). Что касается романного творчества Лоренса, здесь мы остановили свой выбор на трех произведениях: «Сыновьях и возлюбленных» (Sons and Lovers, 1913), «Радуге» (The Rainbow, 1915) и «Любовнике леди Чаттерли» (Lady Chatterley’s Lover, 1928). Такой выбор был обусловлен рядом обстоятельств. Во-первых, названные романы являются наиболее совершенными с художественной точки зрения текстами писателя, принадлежащими к разным этапам его творчества. Во-вторых, они, на наш взгляд, в наиболее выпуклом виде обыгрывают ключевые для творчества Лоренса темы и идеи: антагонизм природы и цивилизации, столкновение старой и новой морали, утрату гармонии, богоискательство, «войну полов» и пр.

Методологически диссертационное исследование основано на сочетании историко-литературного, культурно-исторического и сравнительно-типологического подходов. В рассмотрении лоренсовской прозы в ее связи с важнейшими философскими и культурологическими текстами конца XIX–XX веков мы исходим из того, что «влияние – частный случай более обширного и сложного явления. Литература эпохи представляет собой не простое собрание единичных, разрозненных или только частично связанных между собой произведений, а некое сложное соотношение, некий исторический контекст» (Б.М. Эйхенбаум)². Иными словами, нашей основной задачей является описание того *культурного поля*, на котором, часто независимо от намерений самих авторов, их тексты причудливым образом переплетаются, вступают в диалог, обнаруживают точки притяжения и отталкивания, восходят к общим источникам.

В качестве методологических источников в диссертации используются труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные различным аспектам проблемы культуры (А. Белый, Н.А. Бердяев, В.С. Библер, В.В. Вейдле,

---

² Эйхенбаум Б.М. Толстой и Поль де Кок // Западный сборник. I / Под ред. В. М. Жирмунского. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1937. С. 293–294.

Г. Зиммель, Д.С. Мережковский, М. Фуко, Т.С. Элиот); работы по истории и теории западноевропейской литературы конца XIX–XX веков (М. Брэдбери, Дж. Макферлейн, Р. Уэллек, Ж. ле Ридер, К. Палья, П. Фолкнер, Р. Эллманн, Г.К. Косиков, А.И. Жеребин, В.М. Толмачёв, О. Матич), а также исследования, посвященные творчеству Лоренса (А. Бернс, Ю. Гудхарт, К. Кларк, Ф.Р. Ливис, Дж. Меерс, Г.Т. Мур, Дж. Паничес, Г. Хау, К. Хьюит, Р. Эббатсон, Дж. Зитарюк, Н.П. Михальская, Н.М. Пальцев, Г.М. Ермакова, Н.И. Бушманова, Б.М. Проскурнин и др.).

Практическая значимость работы определяется возможностью использования ее материалов и выводов в курсах по истории зарубежной литературы, а также в спецкурсах и спецсеминарах по английской литературе XX в.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждалась и получила одобрение на кафедре истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Основные положения работы были изложены в ряде научных публикаций, а также в докладах на XV и XVII Международных научных конференциях студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (МГУ, 2008, 2010); на XX Ежегодной богословской конференции (ПСТГУ, 2010).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка.

Основное содержание работы

Первая глава – «Проблематизация кризиса культуры в конце XIX–XX веках» – имеет целью рассмотреть основные подходы к проблеме культуры в указанный период.

В наших рассуждениях мы исходим из того, что начало XX века в истории Запада было ознаменовано колоссальным по своим масштабам мировоззренческим сдвигом, в результате которого центральное место в парадигме европейского

сознания занимает *культура*. Именно культура становится той точкой, в которой локализуется понимание мира, в связи с чем уместно говорить о предельной универсализации самого этого понятия: культура становится средоточием всех смыслов человеческого бытия, «проблемой жизни... каждого человека»³.

В XX веке представления о культуре как о чем-то самоочевидном уступают место напряженным раздумьям о ее смысле и сущности. «В настоящее время в ряде течений теоретической мысли переносится центр тяжести на вопросы культуры, – отмечает А. Белый, – вырастает потребность точнее определить, что такое культура; до настоящего времени, сталкиваясь с проблемой культуры в обиходе нашей мысли, мы сталкивались с чем-то самоочевидным, не поддающимся определению; более пристальный взгляд на вопросы культуры превратил саму культуру в вопрос...»⁴. Таким образом, уже на рубеже веков рефлексия о культуре обнаружила за фасадом обиходных смыслов необъятное проблемное поле.

Речь, однако, идет не столько о сложностях словарной дефиниции, сколько о том, что сама культура стала *проблемой*, причем – центральной для понимания всей постромантической эпохи. Потому, думается, прав был Ницше, писавший в письме Г. Брандесу: «Постичь, что наша европейская культура есть чудовищная проблема, а никоим образом не разрешение ее, – разве не является сегодня такая степень самоосознания, самоопределения *самою культурой?*»⁵.

Проблема культуры – вопрос о духовных основаниях западной цивилизации, трагическое вопрошание о судьбе Европы, сложнейшее переплетение «воли к жизни» и «воли к упадку», диалектика конца (заката, сумерек, европейской ночи, вырождения, декаданса) и начала (утренней зари, обновления, изобилия, ренессанса) – так или иначе дала о себе знать в творчестве всех крупных художников конца XIX – первой половины XX века, и в этом смысле тексты Д.Г. Лоренса не являются исключением. В первой главе

---

³ Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М.: Издательство Прогресс; Гнозис, 1991. С. 38.

⁴ Белый А. Проблема культуры // Символизм как миропонимание / Сост. Л.А. Сугай. М.: Республика, 1994. С. 18.

⁵ Ницше Ф. Письма / Сост. и пер. И.А. Эбаноидзе. М.: Культурная революция, 2007. С. 293.

исследования рассматриваются основные подходы к проблеме культуры на рубеже веков, составившие, по нашему мнению, ту мировоззренческую парадигму, в рамках которой творил, подчас сам того не осознавая, английский писатель.

В ее новейшем звучании проблема культуры впервые была осмыслена немецким философом Фридрихом Ницше (Friedrich Nietzsche, 1844–1900). В **первом параграфе** такие его работы, как «Рождение трагедии из духа музыки» (1871), «О пользе и вреде истории для жизни» (1874), «Веселая наука» (1882), «Так говорил Заратустра» (1883–1885), а также «Казус Вагнер» (1888), рассматриваются в ракурсе проблемы культуры. В заключение параграфа дан очерк рецепции идей философа в Великобритании в 1890–1900-х годах.

Творчество Ницше поставило проблему культуры в центр художественно-философской рефлексии эпохи рубежа веков. Пристальное внимание данной проблеме было уделено в рамках *философии жизни* – одного из ведущих течений в европейской философии конца XIX – начала XX века. **Второй параграф** посвящен проблематизации образа кризиса культуры в гуманитарном знании первой половины XX в. На материале работ Г. Зиммеля, О. Шпенглера, Н.А. Бердяева, а также Х. Зедльмайра предпринимается попытка описать многогранный образ «сумерек Европы», выявить основные симптомы духовного кризиса эпохи, наметить некоторые пути его преодоления. В диссертации подробно рассматриваются процессы, ставшие определяющими в развитии постромантической культуры: механизация, отчуждение жизни от органических корней, замкнутость культуры на самой себе, гибель в искусстве целостного человеческого образа, преобладание в нем аналитических тенденций.

Высокая значимость естественнонаучного подхода в дискурсе о культуре на рубеже веков потребовала обращения к биологической (медицинской, психологической) интерпретации проблемы культуры. В центре внимания **третьего параграфа** – образ вырождения, рассматриваемый в русле теории наследственности и неразрывно связанный с острой полемикой эпохи по проблемам пола и сексуальности. Основное содержание раздела составляет очерк важнейших источников по проблемам пола, вырождения и сексуальности в интересующий нас период. Речь идет, во-первых, об обширном комплексе работ

по психопатологии, центральное место среди которых традиционно отводится труду Рихарда Крафт-Эбинга «Psychopatia Sexualis»; во-вторых, о критических работах, рассматривавших произведения современного искусства и литературы с позиций теории дегенерации («Гений и помешательство» Чезаре Ломброзо, «Вырождение» Макса Нордау); в-третьих, о работах, написанных на стыке психологии и философии (исследование Отто Вейнингера «Пол и характер», эссе Зигмунда Фрейда «Неудовлетворенность культурой»); в-четвертых, о художественных текстах, прежде всего натуралистских романах и драмах, посвященных анализу скрытых механизмов наследственности, а также феномену вырождения и «войне полов» (Э. Золя, Г. де Мопассан, А. Стриндберг, Г. Гауптманн, Г. Д'Аннунцио, Т. и Г. Манн, М. Арцыбашев и др.).

Исследование проблемы культуры в творчестве Д.Г. Лоренса едва ли возможно без учета перечисленных источников: интерес писателя к проблеме сексуальности общеизвестен. Несомненно, значимую роль в формировании проблемного поля лоренсовской прозы сыграл фрейдистский психоанализ, с основными положениями которого Лоренс был знаком. Знаком он был, по всей видимости, и с работой Вейнингера: общность интуитивных прозрений двух авторов заставляет нас рассмотреть вопрос о возможном влиянии текстов венского философа на творчество Лоренса подробнее. Наконец, во второй главе нашей работы мы доказываем, что значительная часть литературно-критической эссеистики писателя создавалась в рамках «дискурса вырождения»⁶ и что интенции Лоренса и Нордау в ряде случаев демонстрируют более чем случайное сходство.

Вторая глава – «Проблема культуры в эссеистике Д.Г. Лоренса» – посвящена анализу нехудожественной прозы писателя. Занимающая в корпусе текстов Лоренса значительное место, эссеистика демонстрирует тесную идейную связь с его художественными произведениями. Ряд наиболее значимых эссе, посвященных проблемам морали, религии, дуализма человеческой природы,

---

⁶ См.: Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознания и fin de siècle в России / Авторизованный пер. Е. Островской. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

вполне можно рассматривать в качестве системы координат, лежащей в основе романов и новелл писателя. Цель главы состоит том, чтобы выделить наиболее важные проблемные узлы нефикциональной прозы писателя, составившие нерв лоренсовской рефлексии о культуре.

Первый параграф посвящен литературной критике Д.Г. Лоренса. Среди эссеистики писателя ей принадлежит особое место; «прекраснейшим литературным критиком нашего времени – великим литературным критиком»⁷ назвал Лоренса крупнейший знаток английской прозы Фрэнк Реймонд Ливис. В основе литературно-критического метода писателя, изложенного им в эссе «Джон Голсуорси», лежат два принципиальных момента: во-первых, дуализм человеческой природы, распадающейся на чувственную и интеллектуальную составляющие; во-вторых, тесная связь между личностью художника и его искусством, позволяющая по произведениям человека судить о его характере.

Противопоставленные друг другу, обе составные части человеческой природы образуют единое целое; потому чрезмерно интенсивное развитие одной в ущерб другой неминуемо приводит к болезни, как на уровне отдельного человеческого организма, так и на уровне культуры в целом. В частности, применительно к литературе утрата гармоничного соотношения между двух частей человеческой природы привела, по мнению Лоренса, к искусству вырождения, безумия, упадка. С точки зрения писателя, инициированный христианством процесс абсолютизации духовного начала в человеке, повлекший за собой искажение фундаментальных принципов дуализма и полярности, стал причиной охватившего Европу начиная с конца XVI в. страха перед всем сексуальным. Процесс «упадка сексуальности», проявившийся в творчестве поэтов-елизаветинцев, наиболее очевиден для Лоренса в английской литературе XVIII и особенно XIX веков. Современную литературу, по Лоренсу, отличает фатальное отсутствие спонтанности, всепоглощающая работа ума, сводящая на нет любые проявления чувственной природы человека. Особенно ярко процесс сознательного обособления человека от полноты чувственного бытия показан

---

⁷ Cit.: Wellek R. A History of Modern Criticism: 1750–1950. In 8 v. New Haven (Ct.) – L.: Yale UP., 1986. V. 5. P. 116.

Лоренсом на материале литературы США в книге эссе «Очерки по классической американской литературе».

С позиции сторонника гармонической цельности человеческой личности и культуры Лоренс подвергает критике многих современных ему художников. Показательными в этом плане работами писателя являются эссе «Томас Манн» и «Хирургия для романа – или бомба». В первом из названных текстов Лоренс остро критикует творчество Манна за оторванность от жизни. Стремление немецкого писателя к автономности искусства, противопоставленное классическим гениям Шекспира и Гёте, трактуется Лоренсом как психическое заболевание, основными симптомами которого выступают страх перед жизнью и презрение к ней. В эссе «Хирургия для романа...» произведения Дж. Джойса, Д. Ричардсон и М. Пруста описываются как «серьезная литература, корчащаяся в смертельной агонии длиною в четырнадцать томов»⁸. С точки зрения Лоренса, обостренное самосознание, проявляющееся в фиксации самой незначительной эмоции, будучи свойственно зрелому человеку, недвусмысленно указывает на «задержку развития», а то и на «преждевременную дряхлость»⁹.

Рассмотренные эссе позволяют утверждать, что для Лоренса-критика дистанция между автором и текстом минимальна: неприятие художественной манеры того или иного писателя как правило оказывается достаточным основанием для того, чтобы постулировать «нездоровый» характер его творчества. Принимая во внимание также специфическую лексику, используемую писателем для характеристики своих литературных оппонентов, можно с уверенностью говорить об исключительной важности, которую оппозиция 'больной / здоровый' имеет в дуалистической системе лоренсовского мировосприятия. Более того, данная оппозиция дает нам основание для того, чтобы описать творчество Лоренса в связи с культурой декаданса, рассматривавшей болезнь (в ракурсе вырождения) в качестве своей важнейшей метафоры.

С точки зрения Лоренса, современная культура также переживает несомненный упадок и обречена на гибель. В ряде поздних критических текстов,

---

⁸ Lawrence D.H. *Surgery for the Novel – or a Bomb* // *Phoenix: The Posthumous Papers of D.H. Lawrence* / Ed. by E.D. McDonald. N.Y.: The Viking Press, 1936. P. 517.

⁹ *Ibid.* P. 518.

таких, как эссе «Порнография и непристойность», а также «По поводу романа “Любовник леди Чаттерли”», мы находим глубокие размышления писателя о болезни современного мира и ее симптомах. Основными причинами упадка современной культуры Лоренс считает эгоцентризм, приводящий, по его мнению, большинство людей к постепенной утрате человеческой сущности, а также укорененный в сознании человека «древний, унижительный страх тела и его возможностей»¹⁰, искажающий естественные представления о сексе и, как следствие, оскверняющий сексуальную («низшую») природу человека.

Пути преодоления декаданса в эссеистике Лоренса посвящен **второй параграф** главы. В самом общем виде преодоление упадка современной культуры Лоренс видит в необходимости осознания пределов собственного «я» и активного взаимодействия с окружающим миром. Наиболее очевидной формой противостояния мертвящему эгоцентризму является любовь между мужчиной и женщиной, олицетворяющая для Лоренса сам дуализм бытия. Другой аспект преодоления декаданса связан с необходимостью восстановления утраченного единства человека и космоса, залогом которого, с точки зрения Лоренса, является то, что человек изначально связан со Вселенной незримыми нитями-соответствиями (correspondence). Активизировать связь с космосом возможно, по Лоренсу, лишь на путях религиозного, поэтического постижения мира, что влечет за собой неизбежный разрыв с глубоко укоренившейся в сознании западного человека рациональностью, основанной на постулатах науки и логики. Логике факта писатель противопоставляет специфическую логику символа, в рамках которой «противоположности воспринимаются как взаимодополнительные сущности, находящиеся в напряженных, динамических отношениях»¹¹.

Движение лоренсовской мысли от логоса к мифу (лоренсовский символ есть не что иное, как образ мифа, попытка вербализировать человеческий опыт, корни которого сокрыты глубоко в крови и душе, а следовательно – недоступны для рационального объяснения) подчеркивает утопичность проекта писателя по оздоровлению современного мира. Взгляд на до-историческое время как на

---

¹⁰ Лоуренс Д.Г. По поводу романа «Любовник леди Чаттерли» / Пер. М. Литвиновой // Собр. соч. В 7 т. М.: Вагриус, 2006. Т.1. С. 361.

¹¹ Дешарне Б.; Нефонтен Л. Символ / Пер. И.Л. Нагле. М.: АСТ; Астрель, 2007. С. 30.

«золотой век» человечества вкупе с неприятием самой идеи прогресса позволяет говорить о специфически лоренсовском понимании логики декаданса, в рамках которой феномен вырождения получает не столько позитивистское, сколько символистское толкование: как постепенное, но неумолимое разрушение вертикальных связей (соответствий) между космосом и человеком. В этой ситуации преодоление декаданса мыслится писателем как возврат к исходной точке, сознательный шаг назад в человеческих представлениях о вселенной, архаизация самой картины мира. Такая архаизация, по Лоренсу, способна активизировать мощный потенциал символов, сохранных человеческой памятью с древнейших времен, а следовательно, хотя бы частично приобщить человечество к универсальному эзотерическому знанию о жизни.

Одним из наиболее действенных способов упорядочить хаос мира, по мнению Лоренса, является ритуал, представляющий собой по сути символ в действии. В понимании писателя, ритуал выступает также универсальным средством живого общения человека со Вселенной. Поиск в стихии неупорядоченной жизни элементов ритуала и мифа сближает творчество Лоренса с символизмом и модернизмом (С. Малларме, Дж. Джойс, Т.С. Элиот, Э. Паунд, Т. Манн и др.).

Рассмотрение взглядов писателя на проблему символа и ритуала заставляет обратиться к вопросу о специфике лоренсовской религиозности, являющейся важнейшим источником его творчества. В основе неортодоксальной, «символистской» религиозности Лоренса лежит глубоко личностное понимание Божественного как непрестанного становления и соответственно – неприятие любых форм религиозности традиционной. В диссертации подробно анализируются эссе «О религиозности», «Воскресший Господь», «Воскресение», «По поводу романа “Любовник леди Чаттерли”». Глубокая вера писателя в одухотворение плоти позволяет сопоставить религиозные взгляды Лоренса с идеями Д.С. Мережковского («Л. Толстой и Достоевский», 1900–1901), а также В.В. Розанова. Представляется очевидным, что идея «религии плоти», если рассматривать ее в широком контексте интереса ко всему сексуальному в первой трети XX века, прошла через все зрелое творчество Лоренса, не только оказав

влияние на формирование мировоззрения писателя, но и во многом определив пути развития его романной прозы.

Третья глава – «Проблема культуры в романистике Д.Г. Лоренса» – содержит анализ романов «Радуга», «Любовник леди Чаттерли», а также «Сыновья и возлюбленные» в ракурсе проблемы культуры.

Первый параграф посвящен анализу романа «Радуга» в свете важнейших идей Ф. Ницше. В диссертации подробно излагается, когда и при каких обстоятельствах Лоренс впервые открыл для себя тот или иной ницшевский текст; утверждается общность художественных позиций Ницше и Лоренса. Особое внимание уделяется ницшевскому понятию «переоценки всех ценностей», которое вполне может быть применимо к зрелому творчеству английского писателя. Как и в случае Ницше, лоренсовский «поход против морали» оборачивается походом против религии, современного искусства, философии, науки, психологии, человека и человечества в целом.

Роман «Радуга» повествует о трех поколениях семьи Брэнгуэн, представленных образами Тома, Анны и Урсулы соответственно. Эволюция характеров каждого из названных персонажей в самом общем виде сводится к напряженному поиску своего «я» путем приобщения к подлинным ценностям жизни и отказа от ценностей неподлинных. В данном контексте лоренсовские подлинные ценности эквивалентны ницшевским «добродетелям восходящей жизни», оправдывающимся полнотой, чрезмерным богатством сил, а неподлинные ценности – «добродетелям упадка»¹², то есть в конечном счете отрицанию мира.

Специфика подобного пути такова, что он неизменно оборачивается чередой внутренних кризисов, в художественном мире Лоренса связанных по большей части со сферами эротического и религиозного. Пронизанные общей символикой темноты и пламени, они знаменуют собой вторжение бессознательного («низшей бездны») в сферу рационального, раз и навсегда, казалось бы, установленного равновесия. Такого рода столкновения неизменно

---

¹² Ницше Ф. Казус Вагнер. Проблема музыканта / Пер. Н. Полилова // Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т.2. С. 553.

открывают новые просторы для внутреннего развития персонажа-искателя, подобно тому как «безумие... ослепительные молнии и бездны мрака»¹³ у Ницше выступают источником новой морали.

Так, на примере образа Тома Брэнгуэна мы видим, как его неразрывная связь с «горячим биением» природы закрыла для героя всякие пути к обретению свободы в сфере духа, но в замен дала нечто несравнимо, с точки зрения Лоренса, большее – счастье приобщения к «иной реальности», «преступно-прекрасной жизни»¹⁴, с легкостью отрицающей не только логику факта, но и любые социальные установления человеческого общества. Указание на «преступный» характер новой жизни подчеркивает ее качественную инородность жизни обыденной, повседневной; соединение Тома и Лидии Ленской рисуется писателем как точка перехода к «иным основаниям» жизни, экстатическое приобщение к способности «иначе чувствовать»¹⁵.

Дочь Тома Анна, тяготевавшая в молодости к миру сверхчувственного, видимым символом которого выступали для нее религия и церковь, приходит долгий путь «утраты иллюзий», чтобы приобщиться в итоге к подлинной жизни в согласии с творящими ритмами Космоса. Перипетии пережитого Анной конфликта между «высшей» и «низшей» безднами позволяют сделать вывод о том, что для писателя в романе субъектом оценивания (целеполагания) выступает именно человеческая личность, а не общество, традиция, мораль и пр. В решительном введении человека как субъекта; как его, наделенного собственной – глубинной – психологией творчество Лоренса также обнаруживает связь с философией Ницше¹⁶. Именно потому так важно лоренсовское новаторство в области исследования человеческого «я», что сама психология в его представлении начинает мыслиться по-новому, то есть в отрыве от всякой морали,

---

¹³ Ницше Ф. Утренняя заря: Мысли о моральных предрассудках / Пер. с нем. В. Бакусева. М.: Академический Проект, 2008. С. 44.

¹⁴ Лоуренс Д.Г. Радуга в небе / Пер. Е. Осеневой // Собр. соч.: В 7 т. М.: Вагриус, 2006. Т. 4. С. 45.

¹⁵ Там же. С. 101.

¹⁶ См., напр.: Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Пер. Н. Полилова // Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т.2. С. 258–259.

с одной стороны, и в связи с самыми глубинными импульсами человеческой природы, с другой.

Наиболее богат деталями и нюансами путь Урсулы Брэнгуэн, психологический императив которой сводится к настойчивому требованию во что бы то ни стало «познать пределы своей личности»¹⁷, и познание это так же, как и в уже рассмотренных нами сюжетах, сводится к избавлению от всего ложного, «пустого» и последующему осознанию единственно подлинной основы бытия. Главы романа, повествующие о жизни Урсулы, буквально пронизаны ницшевыми идеями. Так, стремление Урсулы вырваться из безликой общности ее окружения, основанное на вере в способность поступать самостоятельно и быть собой, приводит ее к необходимости разделить всех людей на «мелких» и «равных ей». В терминах Ницше речь здесь идет о столкновении двух моралей: морали «рабов» («стада») и морали «господ» («аристократического способа оценки»), что «действует и произрастает спонтанно, ...ищет своей противоположности лишь для того, чтобы с большей благодарностью, с большим ликованием утверждать самое себя»¹⁸.

Подобного рода самоутверждение невозможно без отказа от неподлинных ценностей, одной из которых выступает в произведении Лоренса христианская этика самоотречения. Очевидно, что одним из источников зрелого творчества писателя выступает ницшевская критика христианства. В романе «Радуга» Христос, символизируемый Голубем и Агнцем, для Урсулы, несомненно, Бог *décadence*: утративший свои мужские добродетели и влечения, такой Бог «делается теперь по необходимости Богом физиологически вырождающимся, Богом слабых»¹⁹.

Идейной основой XIII главы романа, в которой Урсула получает место учительницы в одной из школ Илкестона, выступает ницшевская концепция воли к власти. Утверждая собственную волю вопреки волям других (непокорных учеников, их родителей и учителей), Урсула завоевывает свое право на

---

¹⁷ Лоуренс Д.Г. Радуга в небе. С. 315.

¹⁸ Ницше Ф. К генеалогии морали. Poleмическое сочинение / Пер. К.А. Свасьяна // Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т.2. С. 425.

¹⁹ Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству / Пер. В.А. Флёровой // Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т.2. С. 643.

независимость, тем самым подготавливая почву для очередного этапа познания жизни, избавления от ложных ценностей на пути к самостоятельному их (ценностей) полаганию.

В образе избранника Урсулы Антона Скребенского мы сталкиваемся с ницшевским понятием «падения космологических ценностей»²⁰, то есть ценностей неподлинных, принадлежащих вымышленному миру. Так, верность идее всеобщего блага – безжизненной, с точки зрения Лоренса, абстракции – приводит к тому, что жизнь Скребенского «сосредоточилась в установленных рамках и текла по установленным правилам», душа же «пребывала в гробнице»²¹.

Кульминационный этап взаимоотношений Урсулы со Скребенским знаменует ее приобщение к «благодатной и плодоносной тьме» эроса, стихии подлинной жизни, безразличной к обыденной человеческой морали. Впрочем, полного растворения в мире обезличенной природы так и не происходит: субъективное начало в итоге одерживает верх, что подтверждается финальной сценой романа – внезапным появлением в небе над шахтерским поселком переливчатого сияния радуги, завета грядущего преображения, устремленности к новой жизни. Открытый финал романа указывает на то, что судьба Урсулы Брэнгуэн далека от завершения (повествование о ней будет продолжено в следующем романе Лоренса “Влюбленные женщины”). Вместе с тем, открытый финал вновь обращает внимание читателя к сквозному для романа *образу жизни как вечного становления*, столь близкого ницшевскому пониманию дионисического²².

Очевидно, что далеко не всегда присутствие в лоренсовских произведениях той или иной ницшевской идеи можно считать результатом непосредственного и притом сознательного текстуального заимствования. Несмотря на это, не подлежит сомнению то обстоятельство, что Лоренса и Ницше связывает столь многое, что было бы заблуждением считать эту связь случайностью. По всей видимости, в ее основе лежит прежде всего общность темпераментов художников,

---

²⁰ Ницше Ф. Воля к власти / Пер. Е. Герцык и др. М.: Культурная революция, 2005. С.33.

²¹ Лоуренс Д.Г. Радуга в небе. С. 342.

²² См.: Ницше Ф. Сумерки идолов, или как философствуют молотом / Пер. Н. Полилова // Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т.2. С. 629.

неразрывно соединивших в себе черты пророка и нигилиста, певца декаданса и его непримиримого обличителя.

Цель **второго параграфа** третьей главы – рассмотреть итоговый роман Лоренса «Любовник леди Чаттерли» в контексте модернистской культуры. Основанием для подобной постановки вопроса выступает наличие в лоренсовском тексте тенденции, ярко проявившейся в искусстве и литературе конца XIX–XX веков, а именно трансформации (вплоть до полной утраты) человеческого образа. В ходе текстуального анализа был выделен ряд векторов, по которым устремляется в романе «Любовник леди Чаттерли» тенденция к утрате целостного человеческого образа.

Наиболее часто искажение человеческого образа в романе происходит на путях *механизации*, представляющей собой «сильнейший ограничивающий принцип»,²³ равно объемлющий и социальную, и духовную жизнь современного человека. Индустриальное общество, движимое погоней за прибылью, девальвирует в индивиде все человеческое, превращая его тем самым в инструмент для добывания денег. Механизированное тело современного человека предусматривает соответствующую психологию. Процесс внутреннего изменения личности под влиянием внешних факторов механизации наиболее ярко описан Лоренсом в связи с образом сэра Клиффорда. В ходе повествования Клиффорд-человек все более превращается в «одно из тех грядущих страшилищ, у которых вместо души лишь тугая пружина воли, холодной и хищной»²⁴. Названная тенденция определяет в романе и сами пути развития современной западной цивилизации: подобно тому как в Откровении св. Иоанна Богослова тысячелетнему царству Христову предшествует менее продолжительный период владычества зверя, конечный триумф зла – механического и механизующего начала – у Лоренса выступает залогом грядущего возрождения человечества.

Уподобление более низким формам органической жизни представляет собой другой вектор движения «прочь от человека». В отличие от механизации,

---

²³ Clarke C. River of Dissolution. D.H. Lawrence & English Romanticism. L.: Routledge & Kegan Paul, 1971. P. 131.

²⁴ Лоуренс Д.Г. Любовник леди Чаттерли / Пер. И. Багрова; М. Литвиновой // Соб. соч. В 7 т. М.: Вагриус, 2006. Т.1. С. 181.

расценивающейся Лоренсом не иначе, как абсолютное зло, данный аспект дегуманизации имеет двойственный характер. В большинстве случаев уподобление животному или растению представляет собой результат выбора человеком ложных ценностей и в этом смысле являет собой примитивизацию, биологический регресс. Вместе с тем, в ряде контекстов анимализация образа того или иного персонажа (Меллорса, Констанции Чаттерли) призвана подчеркнуть естественность его природы, что в ценностной системе писателя имеет безусловно положительный характер.

Отождествление с мертвой материей, во многом сходное с явлением механизации, акцентирует глубоко свойственный Лоренсу дуализм в понимании человеческой природы, который в совокупности с обостренным вниманием к инстинктивной жизни пола предельно обостряет в романе конфликт между разумом и телом, «высшей» и «низшей» природой. Так, абсолютизация разума, подчиняющего себе тело, эквивалентна, в понимании Лоренса, смерти организма в целом.

С мотивом смерти тесно связан и мотив *пустоты*, использующийся в описаниях как отдельных персонажей (шахтеров, Клиффорда и др.), так и в целом современной цивилизации, магистральный вектор развития которой устремлен по пути физического истощения к ничто.

Ужасающая Лоренса абсолютизация высшей природы человека зачастую подменяется в романе не менее интенсивной *абсолютизацией его низшей (половой) природы*, вследствие чего человек оказывается замкнут на своем чувственном бытии. В результате обе «бездны» получают право на обособленное существование, никогда не встречаются и не могут уравновесить друг друга. Наиболее ярко триумф «низшей» природы человека показан, разумеется, в отношениях Конни и Меллорса. Абсолютизация чувственного бытия может повлечь за собой различные трансформации человеческого образа. Одним из возможных вариантов является здесь полная дегуманизация посредством растворения индивида в стихии мифа, архаического переживания мира. Другой вариант абсолютизации низшей природы связан с полной реализацией человека в

стихии сакральной любви, то есть, по Лоренсу, любви, всецело растворяющей субъект в объекте.

Можно с уверенностью утверждать, что разложение цельного человеческого образа в романе носит тотальный характер. Как это ни парадоксально, но даже сами попытки преодолеть укоренившуюся в человеке дисгармонию оборачиваются на практике «утратой середины». Таким образом, текст Лоренса вольно или невольно демонстрирует черты «модернистской чувствительности»²⁵, что позволяет нам, несмотря на некоторую традиционность его стилистики, уверенно вписать роман «Любовник леди Чаттерли» в контекст модернистского искусства.

Проблеме репрессивности культуры у Д.Г. Лоренса и З. Фрейда на материале романа «Любовник леди Чаттерли» посвящен **третий параграф** главы. Среди современников, оказавших существенное влияние на творчество Лоренса, особое место традиционно отводится Зигмунду Фрейду (Sigmund Freud, 1856–1939). Тематика романов Лоренса, интерес писателя ко всему сексуальному способствовали тому, что начиная с 1960-х гг. его тексты становятся «удобным» материалом для психоаналитической критики, не без успеха вычитывавшей в романах Лоренса такие значимые для фрейдизма концепты, как, например, Эдипов комплекс²⁶. Несмотря на пристальный интерес к развитию психоанализа, сам писатель, однако, не рассматривал свое творчество как иллюстрацию к учению австрийского психиатра, о чем свидетельствует в частности лоренсовская критика фрейдизма в эссе «Психоанализ и бессознательное» и «Фантазия на тему бессознательного».

Задача данного раздела исследования состоит в том, чтобы выявить точки притяжения и отталкивания между итоговым романом Лоренса «Любовник леди Чаттерли» и психоаналитической трактовкой кризиса западной цивилизации, предложенной Фрейдом в эссе «Неудовлетворенность культурой», которое наряду

---

²⁵ О «модернистской чувствительности» см.: Modernism: 1890–1930 / Ed. by M. Bradbury; J. McFarlane. Harmondsworth (Mx.): Penguin Books, 1976.

²⁶ См., напр.: Weiss D.A. Oedipus in Nottingham: D.H. Lawrence. Seattle: Univ. of Washington Press, 1962.

с другими его поздними сочинениями вывело психоанализ за рамки клинической практики, положив тем самым начало философии психоанализа.

С точки зрения Фрейда, современная западная культура является универсальным механизмом подавления индивидуальной свободы, что выражается, с одной стороны, в ограничении половой жизни индивида и стремлении связать воедино как можно большее количество людей, а с другой – в ограничении изначально свойственной человеку агрессии. Полемизируя с руссоистской идеей естественного человека, Фрейд объявляет природу источником страданий, а индивида, лишённого ограничивающего влияния механизмов культуры, – рабом своих первичных влечений: воли к жизни (Эроса) и воли к смерти (Танатоса).

Подробный анализ оппозиции ‘природа / цивилизация’ в романе «Любовник леди Чаттерли», а также обращение к ряду лоренсовских эссе, посвящённых проблеме морали, позволяет утверждать, что писатель, несомненно, испытывал неудовлетворенность культурой в том смысле, что, с его точки зрения, человечество было бы гораздо счастливее, если бы в своем развитии вернулось далеко назад. Однако «древние устои», о которых пишет Лоренс, нельзя уподобить состоянию первобытной дикости. Речь идет об эпохе, разумеется, несравненно более близкой к естественному бытию природы, однако не лишённой механизмов регламентации человеческой жизни через ритуал и миф. Лоренс не отрицает опасность одичания из-за следования влечениям. По мнению писателя, противостоять этой опасности призваны, с одной стороны, заложенные в человеке от рождения императивы («естественная мораль», «инстинкт красоты»), а с другой, достижения культуры, научившей человека разделять возникающие реакции (мысль и действие).

Обе эти гарантии цивилизованности не являются, однако, абсолютными. Естественные установки человека могут искажаться негативными аспектами современного мира, а достижения культуры демонстрируют свою эфемерность, как только речь заходит обо всем сексуальном: «Наша цивилизация в отношении секса находится на стадии глубокой, варварской, омерзительной дикости,

особенно Англия и Америка»²⁷. Вместе с тем, бóльшую долю вины за эту дикость как раз и несет западная культура с лежащим в ее основе идеалистическим и трагическим мирозерцанием. Современная цивилизация переживает период упадка, однако ее гибель будет означать лишь конец «эпохи идеалов и трагедий», а отнюдь не конец *homo sapiens*, которому, по мысли Лоренса, уготована гармоничная жизнь в общении со Вселенной. Таким образом, представления психоанализа о культуре в целом оказываются неприменимыми к позднему творчеству Лоренса, хотя писатель и использует в своих работах идею Фрейда о репрессивной сущности современной цивилизации. Гораздо более правомерно говорить об отголосках в лоренсовских текстах идей Ж.Ж. Руссо. В этом ракурсе творчество английского писателя можно рассматривать как попытку преодоления механицизма современной цивилизации на путях «естественного» утопизма.

В заключительном, **четвертом параграфе** рассматривается вопрос о соотношении раннего творчества Д.Г. Лоренса с рядом важнейших идей австрийского философа и психолога Отто Вейнингера (Otto Weininger, 1880–1903). Подробно излагается история вопроса, а также основания для типологического сопоставления творчества двух авторов, наиболее значительным из которых выступает тематическая близость их сочинений. «В романах и очерках Д.Г. Лоренса получила выражение цельная метафизическая концепция сексуальности и взаимоотношений мужского и женского полов, включающая в себя важнейшие аспекты кризиса половой идентичности, характерного для эпохи модерна, – отмечает Жак Ле Ридер. – Оба автора исходят из близких интуитивных прозрений, обнаруживают в нынешнем мироустройстве зло и вступают в борьбу с этим злом, чтобы вновь обрести невинность, чтобы на землю вновь снизошла благодать».²⁸

Для анализа был выбран третий по счету роман писателя «Сыновья и возлюбленные». Его центральный персонаж Пол Морел – сын шахтера, порывающий со своей средой. Гораздо важнее, впрочем, то, что Пол – художник, носитель особого рода видения, артистического восприятия окружающего мира,

---

²⁷ Лоуренс Д.Г. По поводу романа «Любовник леди Чаттерли». С. 367.

²⁸ Ле Ридер Ж. Венский модерн и кризис идентичности / Пер. Т. Баскаковой. СПб.: Издательство имени Н.Н. Новикова; Издательский дом «Галина скрипсит», 2009. С. 181.

познание которого у Лоренса самым тесным образом связано со сферой эротического.

В первой части раздела рассматривается, в какой мере женские образы романа могут быть вписаны в предложенную Отто Вейнингером в работе «Пол и характер» парадигму сексуальности. Проводятся параллели между вейнингеровскими типами «истерички», «гетеры» и «матери», с одной стороны, и образами Мириам Ливерс, Клары Доус и Гертруды Морел, с другой. Особое внимание уделяется лоренсовской трактовке темы «войны полов», представленной в романе как мучительный процесс становления мужской индивидуальности под неослабевающей угрозой со стороны тотальности женского начала, которое, какие бы формы оно ни принимало («сестра», «возлюбленная», «мать» и т.д.), стремится лишь к тому, чтобы поглотить мужчину, лишит его сокровенного «одиначества», подчинив власти *целого* (культуры, религии, сексуальности, морали).

Во второй части раздела анализируется образ Пола Морела в его эротической и артистической составляющих, а также предпринимается попытка провести параллели между лоренсовским художником и типом гения у Отто Вейнингера. Типологическое сопоставление рассматриваемых текстов позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на некоторые различия, лоренсовский художник и вейнингеровский гений приходят в итоге к одному и тому же – к тому, чтобы посредством искусства, эротики, направленной на весь мир, «творить из мирового хаоса полноту реальных форм»²⁹.

В **заключении** сформулированы итоги исследования; перечислены основные аспекты проблемы культуры в творчестве Лоренса, позволяющие, на наш взгляд, представить его произведения в широком контексте постромантической культуры. С одной стороны, писатель выступает наследником эпохи декаданса, важнейшие категории которого стали неотъемлемой частью его мировоззрения. С другой стороны, отразившийся в творчестве писателя кризис индивидуализма и «утрата середины» позволяют видеть в Лоренсе одного из носителей «модернистской чувствительности» – художника XX века.

---

²⁹ Вейнингер О. Пол и характер / Пер. с нем. М.: Латард, 1997. С. 244.

Основные положения диссертации изложены в следующих **публикациях**:

1. Д.Г. Лоренс и З. Фрейд: культура и/или утопия // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. № 4(2). Киров, 2009. С. 158–162.

2. Рецепция идей Ф. Ницше в романе Д.Г. Лоренса «Радуга» // Проблемы поэтики и истории зарубежной литературы: Сборник статей молодых ученых / Отв. ред. А.Ю. Зиновьева; Сост. Н.А. Мороз. М.: МАКС Пресс, 2010. Выпуск 3. С. 21–27.

3. Организация пространства в романе Д.Г. Лоренса «Жезл Аарона» // Материалы XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М.: МАКС Пресс, 2008. С. 607–609.

4. Жертвы и жертвоприношение в романе Д.Г. Лоренса «Сыновья и возлюбленные» // Материалы XVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М: Издательство Московского университета, 2010. С. 719–721.